

Злоупотребление и взыскание: коррупция региональных руководителей СССР в 1946–1952 гг.

Алексей Федоров

Misuse and punishment: corruption of regional leaders of the USSR in 1946–1952

Aleksey Fedorov
(*Chelyabinsk State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X23050073, EDN: OXDWET

Проблема коррупции привлекает исследователей, занимающихся разными периодами отечественной истории. Её изучение позволяет не только выявить дефекты в работе государственной машины в определённую эпоху, но и уточнить специфику и состояние всей системы власти и общества. За последние десятилетия появилось немало публицистических материалов¹ и научных работ на тему коррупции в СССР в первые послевоенные годы. Значительная их часть касается отдельных случаев правонарушений партийных, советских и хозяйственных руководителей² или распространённых среди номенклатурных работников злоупотреблений (снабжение сверх лимитов, «самоснабжение» и т.п.)³. Самостоятельными направлениями стало изучение злоупотреблений чиновников разного уровня во время денежной реформы 1947 г.⁴, коррупции

© 2023 г. А.Н. Федоров

¹ Выделяются материалы о коррупции в период «позднего сталинизма», которые регулярно публиковал журнал «Коммерсантъ Власть». См., например: *Жирнов Е.* «Члены Верховного суда брали взятки» // *Коммерсантъ Власть*. 2008. № 31. С. 54–58; *Жирнов Е.* «В разбазаривании государственного имущества и излишествах повинны руководители Белоруссии» // *Коммерсантъ Власть*. 2010. № 44. С. 64–69; *Жирнов Е.* «Особая бесхозяйственность» // *Коммерсантъ Власть*. 2010. № 45. С. 64–69.

² *Говоров И.В.* Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // *Новейшая история России*. 2011. № 1. С. 66–81; *Кимерлинг А.С.* Особенности провинциальной советской коррупции в 1946–1953 годах на материале Молотовской области // *Вестник Пермского университета. Сер. История*. 2012. Вып. 3. С. 101–108; *Лейбович О.Л.* В городе М: очерки социальной повседневности советской провинции. Изд. 2. М., 2008. С. 72–113; *Сушков А.В.* Власть и коррупция: привилегированная жизнь «челябинских вождей» во второй половине 1940-х годов // *Новейшая история России*. 2018. № 1. С. 98–115; *Сушков А.В.* Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.) // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 3. С. 89–95; *Сушков А.В.* «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург, 2018; *Твердюкова Е.Д.* Злоупотребления при распределении американских подарков в Молдавской ССР (1944–1945 гг.) // *Русин*. 2018. № 4. С. 264–276.

³ *Твердюкова Е.Д.* «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской региональной номенклатуры товарами широкого потребления (1943–1947 гг.) // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2015. № 21. С. 254–271; *Шалак А.В.* О социальном статусе советских руководящих кадров в 1940–1950-е гг. (на примере Восточной Сибири) // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2013. № 3. С. 164–170.

⁴ *Болдовский К.А.* Денежная реформа 1947 г. и ленинградский партаппарат // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История*. 2013. Вып. 4. С. 175–184; *Твердюкова Е.Д.* Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г. // *Новейшая история России*. 2011. № 1. С. 45–53; *Чуднов И.А.* Денежная реформа 1947 года. Изд. 2. М., 2018. С. 236–243.

в правоохранительных органах⁵ и развития антикоррупционного законодательства⁶. Вместе с тем вышли исследования, в которых наряду с частными сюжетами поднимаются общие вопросы: причины, масштабы и формы коррупции в первые послевоенные годы, характер и методы борьбы с ней⁷.

Несмотря на значительную проработку темы, среди исследователей до сих пор нет единого мнения о размахе коррупции в позднесталинском СССР и эффективности противодействия ей. Одни специалисты полагают, что сталинская модель власти с помощью развитой системы контроля и репрессивных методов смогла свести коррупцию к минимуму. Другие отмечают, что именно при И.В. Сталине она приобрела системный характер, а борьба с ней не давала ощутимого эффекта⁸. Продолжаются споры и по вопросу об отношении к коррупции со стороны высшего руководства СССР. Здесь показательна дискуссия вокруг одного из важнейших внутривластных процессов эпохи – «ленинградского дела». Отдельные исследователи утверждают, что масштабные злоупотребления руководителей Ленинграда во время и после войны стали если не главной, то одной из основных причин их «падения» в 1949 г.⁹ Эта версия подразумевает, что центр жёстко и бескомпромиссно преследовал региональных руководителей за коррупцию. Однако анализ хода «дела» и его итоговых документов показал, что первичными и основными в нём оказались политические обвинения, а различные злоупотребления упоминались во вторую-третью очередь и использовались для отягощения вины фигурантов¹⁰. Следовательно,

⁵ *Кодинцев А.А.* Коррупционные преступления советских судей в 40-е годы XX века // Российский судья. 2017. № 6. С. 54–58; *Тепляков А.Г.* О коррупции в органах НКГБ–МГБ СССР 1940–1950-х гг. // Общество. Интеллигенция. Репрессии. Сборник статей к 60-летию профессора С.А. Красильникова. Новосибирск, 2009. С. 205–221; *Шкарековский Д.Н.* К вопросу о коррупции в Верховном суде СССР в конце 1940-х – начале 1950-х годов // История государства и права. 2016. № 22. С. 58–60.

⁶ *Богданов С.В., Орлов В.Н.* Особенности развития законодательства по борьбе с экономической преступностью в СССР 1945–1953 гг. // Современное право. 2010. № 10. С. 141–145; *Дульнев М.В.* Коррупция и борьба с ней в Советском государстве в 1917–1991 гг.: историко-правовое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; *Касьянов В.С.* Коррупция и борьба с ней в советской России // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2014. № 4. С. 16–25; *Щанкина Л.Н.* Антикоррупционное законодательство в годы советской власти // Экономика. Право. Общество. 2019. № 4. С. 72–79.

⁷ *Никонорова Т.Н.* Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018; *Хайнцен Дж.* Искусство взятки. Коррупция при Сталине, 1943–1953. М., 2021; *Хлевнюк О.В.* Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023; *Hooper C.* A darker «Big Deal»: concealing party crimes in the post-Second World War era // Late Stalinist Russia: society between reconstruction and reinvention / Ed. by J. Fürst. L., 2006. P. 142–163.

⁸ *Клинова М.А., Трофимов А.В.* Феномен коррупции в послевоенном Советском Союзе: теоретические подходы и исследовательские практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Т. 18. 2018. № 4. С. 32–36.

⁹ *Tromly B.* The Leningrad affair and Soviet patronage politics, 1949–1950 // Europe–Asia Studies. Vol. 56. 2004. № 5. P. 707–729; *Старков Б.А.* Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде во второй половине 40-х гг. // Политика, общество, человек: к 85-летию доктора исторических наук, профессора А.З. Ваксера. СПб., 2008. С. 95–110; *Сушков А.В.* «Ленинградское дело»... С. 49–77, 158–159.

¹⁰ *Болдовский К.А.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб., 2018. С. 179–248; *Болдовский К.А., Бранденбергер Д.* Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // Новейшая история России. Т. 9. 2019. № 4. С. 993–1027.

коррупция привлекала внимание высшего руководства не сама по себе, а в связи с политической целесообразностью.

Данная статья призвана внести ясность в дискуссионные вопросы при помощи анализа коррупции среди советских управленцев регионального уровня — первых секретарей ЦК и обкомов компартий союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП(б), председателей советов министров союзных и автономных республик, крайисполкомов и облисполкомов. Ключевые задачи состоят в том, чтобы выявить масштабы и виды коррупционных действий региональных чиновников и выяснить отношение центра в лице ЦК ВКП(б) к их злоупотреблениям. Основным источником исследования — делопроизводственная документация ЦК партии за 1946—1952 гг., в частности постановления Секретариата ЦК и материалы к ним.

Прежде всего следует уточнить терминологию. В сталинский период слово «коррупция» использовалось только в научной литературе и публицистике для описания капиталистических реалий, а в официальных и делопроизводственных документах партийных и советских органов не употреблялось¹¹. Различные действия руководителей в корыстных целях, как правило, обозначали термином «злоупотребление служебным положением», заимствованным из Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (ст. 109). Изредка употреблялись и такие дефиниции уголовного права, как присвоение и растрата (ст. 116), взятки (ст. 117) и хищения (ст. 127). Однако если речь шла о незаконных деяниях высокопоставленных лиц, то использовались более расплывчатые формулы («незаконное премирование», «незаконное получение», «незаконное расходование», «нарушение государственной дисциплины») или слова, лишённые малейшего намёка на совершённое преступление. Так, взятки именовались подарками, хищения — самоснабжением, а растраты и нецелевое расходование средств — излишествами. Таким образом, проступки крупных руководителей изначально выводились из правовой сферы в область партийной дисциплины, и за них полагалось не уголовное наказание, а партийное взыскание.

Точно определить масштабы коррупции среди региональных руководителей затруднительно, поскольку все выявленные злоупотребления рассматривались в ЦК ВКП(б) индивидуально и специально не учитывались. Самые общие сведения можно почерпнуть из документов Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (КПК). В частности, Т.Н. Никонорова выяснила, что в 1947—1952 гг. бюро КПК вынесло 1131 решение о наложении взысканий на коммунистов, из которых 40% касались экономических злоупотреблений. Но исследовательница не указала, какие должности занимали эти лица¹². Пришлось обратиться к постановлениям Секретариата ЦК, в обязанности которого помимо прочего входил разбор проступков региональных руководителей. Анализ этих решений позволил установить, что с января 1946 г. по сентябрь 1952 г. фигурантами дел о злоупотреблениях стали не менее 123 региональных руководителей¹³ (причём 25 — дважды). Из них 75 человек являлись первыми секретарями крайкомов и обкомов ВКП(б) и председателями облисполкомов

¹¹ Касьянов В.С. Коррупция и борьба с ней... С. 17.

¹² Никонорова Т.Н. Документы Комиссии партийного контроля... С. 72.

¹³ В этот подсчёт не вошли региональные руководители из числа главных фигурантов «ленинградского дела», поскольку в рассмотрении их злоупотреблений Секретариат ЦК ВКП(б) практически не участвовал.

и советов министров автономных республик и областей в составе РСФСР¹⁴. Если учесть, что за указанный период партийными и советскими региональными руководителями в республике побывало 348 человек, то получается, что в злоупотреблениях уличили каждого пятого из них.

Информацию о злоупотреблениях региональных руководителей ЦК ВКП(б) получал из нескольких источников: заявлений граждан, докладных записок собственных подразделений, материалов контрольных органов, прокуратуры, МВД и МГБ и сообщений региональных комитетов партии.

Заявления стали основой для половины всех дел, рассмотренных Секретариатом¹⁵. Из примерно сотни заявлений, проанализированных при подготовке данной статьи, только семь были адресованы Сталину. Они поступили в особый сектор ЦК, где их отобрали из сотен тысяч других писем и представили заведующему сектором А.Н. Поскрёбышеву¹⁶. Три заявления он сразу переслал в Секретариат, а о четырёх¹⁷ доложил «вождю», который распорядился направить их на рассмотрение другим секретарям ЦК. Основная масса заявлений поступала на имя Г.М. Маленкова (первая половина 1946 г., осень 1948 – осень 1952 г.) и А.А. Жданова (лето 1946 – лето 1948 г.), председательствовавших на заседаниях Секретариата, и лишь изредка другим руководителям, в частности секретарю ЦК А.А. Кузнецову и заместителю председателя КПК М.Ф. Шкирятову.

Такого рода заявления получали также Л.П. Берия, В.М. Молотов и Н.М. Шверник, но поскольку рассмотрение компроматов на региональных руководителях не входило в их компетенцию, они отсылали письма Маленкову или Жданову. Последнее обстоятельство имело значение, так как заявления, поступающие в общем порядке, обычно оседали в отделах ЦК и затем высылались оттуда «на рассмотрение» в те региональные комитеты, о руководителях которых шла речь. Интересно, что осведомлённые об этой практике заявители предпочитали обращаться не к самим высоким лицам, а к их секретарям. Так, авторы анонимного письма на бывшего первого секретаря Новосибирского обкома поведали помощнику Маленкова Д.Н. Суханову следующее: «Мы писали об этом своевременно, но говорят у него там рука т.т. Дедов¹⁸ и прочие и решили написать Вам наверняка. Вы доложите т. Маленкову»¹⁹.

В стремлении «достучаться» до руководителей партии некоторые заявители обращались в ЦК ВКП(б) неоднократно, на протяжении многих месяцев и даже лет. Так, заявления о проступках первого секретаря Курского обкома, написанные одним человеком, получили в ЦК в июне и июле 1948 г., а также

¹⁴ В 1946–1952 гг. в РСФСР насчитывалось от 74 до 78 регионов.

¹⁵ О потоке заявлений в ЦК ВКП(б) можно судить по данным за 1947 г. В том году Технический секретариат Оргбюро зарегистрировал 57 566 писем и заявлений, из которых 3914 (6,8%) содержали компрометирующие сведения на отдельных лиц и организации, жалобы на методы руководства, нарушение партийной демократии и законности (РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 631, л. 212–215).

¹⁶ Подробнее о систематизации заявлений, поступающих в ЦК см.: Последние письма Сталину. 1952–1953 гг. Реконструкция документального комплекса. М., 2015. С. 9–10.

¹⁷ В данных заявлениях говорилось о недостатках в руководстве Бурят-Монгольского обкома, разложении руководства Челябинского обкома, строительстве домов партийными и советскими работниками Армении, «порочащих сведениях» на бывшего председателя Краснодарского крайисполкома (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 873, л. 118; д. 877, л. 3; д. 878, л. 52; д. 879, л. 26).

¹⁸ Афанасий Лукьянович Дедов – в 1948–1951 гг. заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), фактически его руководитель.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 657, л. 3 об.

в марте 1949 г. Четыре заявления поступили в мае–декабре 1950 г. на первого секретаря Адыгейского обкома. Но «рекордсменами» оказались руководители Молдавской ССР, на которых в марте–сентябре 1951 г. подали одно подписанное и пять анонимных писем.

Посылая письма по несколько раз и разным адресатам, заявители надеялись, что хотя бы одно достигнет цели. Подобная настойчивость обычно давала положительный результат, поскольку в ЦК полагали, что большое количество «сигналов» само по себе свидетельствует о наличии злоупотреблений. Это хорошо видно на примере «дела» руководства Калининградской обл., которое началось с записки инструктора отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК (ОППКО) Д.А. Пушкина. В марте 1949 г. он сообщил Маленкову, что, будучи командированным на пленум обкома, «лично проверил имевшиеся в ЦК сигналы о растранижении государственных средств на банкеты и выпивки руководителей области», поступавшие в течение нескольких лет²⁰. Впрочем, реакция ЦК и её скорость часто зависели – помимо количества заявлений – от политической конъюнктуры. О её решающей роли свидетельствует, например, история писем о злоупотреблениях руководителей Псковской обл. Первое, поступившее в ноябре 1948 г., оставалось без движения полгода, зато на второе, полученное в апреле 1949 г., когда уже началось «ленинградское дело», отреагировали немедленно²¹.

В ЦК ВКП(б) одинаково относились к подписанным и анонимным заявлениям, поскольку их информативность и достоверность оказывалась в целом одинаковой²². Формально тех и других поступало примерно поровну, но фактически анонимными можно считать 80% всех заявлений. Дело в том, что лишь каждый пятый заявитель указывал свои личные данные (имя, отчество и фамилию, должность и место работы, адрес, номер телефона или партийного билета), по которым его можно было бы идентифицировать. Как правило, эти люди пострадали за критику или противодействие начальству и стремились добиться правды в ЦК. Остальные себя не назвали или указали фиктивную фамилию, поскольку являлись работниками партийных и советских органов и опасались преследований. В ряде заявлений об этом говорилось прямо: «Не подписываюсь, потому что такие вещи подписывать нельзя, и не знаю, попадёт ли оно к вам, товарищ Маленков, или может быть его направят прямо т. Б.»²³.

Следующим по значимости источником информации о коррупции региональных руководителей являлись докладные записки подразделений ЦК. По ним Секретариат распорядился провести почти 25% всех проверок. В основном записки поступали из КПК, которая аккумулировала материалы о злоупотреблениях на местах, и Управления делами, которое регулярно выявляло нарушения финансовой дисциплины в региональных комитетах²⁴. Соответствующие

²⁰ Там же, д. 329, л. 26–28.

²¹ Там же, д. 369, л. 228–230.

²² Из более сотни заявлений, проанализированных при подготовке статьи, только два (на первых секретарей Курского и Тульского обкомов) содержали сведения, полностью опровергнутые в ходе проверки. Факты из остальных подтвердились полностью или частично.

²³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 641, л. 79–79 об.

²⁴ При проверке бюджетной дисциплины в региональных комитетах Управление делами ЦК ВКП(б) выявило злоупотребления руководителей ЦК компартий Белоруссии (1947), Казахстана (1947) и Молдавии (1949), Красноярского и Хабаровского крайкомов (1946), Калужского (1946), Курского (1947) и Челябинского (1947, 1950) обкомов.

сведения поступали также из Управления кадров (в 1946–1948 гг.) и ОППКО (в 1948–1952 гг.), чьи сотрудники, проверяя работу крайкомов и обкомов, порой набирали солидный компромат на их руководителей. Так, сведения о «неблагополучном положении» в Главном управлении снабжения при Совете министров Белорусской ССР в 1946 г. представил инспектор ЦК ВКП(б) С.Б. Задионченко, возглавлявший проверку ЦК КП(б) Белоруссии. О том, что секретари обкома Еврейской автономной области в 1948 г. незаконно получили денежную помощь, стало известно благодаря инспектору Управления кадров ЦК Д.С. Полянскому, обследовавшему работу с кадрами в этом регионе²⁵.

Часть компрометирующих материалов поступала из контрольных и правоохранительных органов. Например, Министерство государственного контроля сообщило в ЦК о сверхлимитном получении одежды и обуви секретарями Чкаловского обкома (1946), незаконном приобретении вина руководством ЦК компартии Узбекистана (1948) и «подарках», которые регулярно получали с рыбозаводов хабаровские руководители (1949). По сообщениям Генеральной прокуратуры СССР привлекли к партийной ответственности руководителей Воронежской обл. за незаконное получение спирта и секретарей ЦК КП(б) Киргизии за покупку мебели по сниженной цене. Предложения о наказании региональных начальников иногда исходили от председателей республиканских и областных судов, разбиравших дела проворовавшихся директоров спиртзаводов²⁶. Эпизодически к разоблачению неблагоприятных поступков своих же бывших руководителей подключались и региональные комитеты партии. В этих случаях сценарий был следующим: новый первый секретарь обкома оперативно собирал и высылал в Москву компромат на предшественника. Так подготовили материалы на прежних руководителей Крымской, Псковской, Ярославской и Тюменской областей. К выявлению коррупционных действий порой подключалась и пресса²⁷.

Материалы о злоупотреблениях региональных руководителей, как и прочие компрометирующие материалы, рассматривались в несколько этапов. Предварительный разбор начинался с указания секретаря, председательствовавшего на заседаниях Секретариата, разослать полученное им заявление или докладную записку на ознакомление остальным секретарям и Шкирятову. Затем материалы обсуждали на заседании Секретариата и в большинстве случаев принимали стандартное решение – «произвести необходимую проверку». До июля 1948 г. эту работу Секретариат обычно поручал КПК, но после реорганизации аппарата ЦК появилось три варианта. Чаще всего поручение получала КПК, но если помимо злоупотреблений шла речь и об иных недочётах и ошибках, то проверку производил ОППКО. Сигналы о масштабных злоупотреблениях эти подразделения проверяли совместно. Иногда к ним подключались и отрасле-

²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 624, л. 49; оп. 118, д. 112, л. 98–99.

²⁶ В мае 1949 г. председатель Верховного суда Кабардинской АССР А.И. Наурзоков сообщил Маленкову, что секретари Кабардинского обкома незаконно получали спирт с Котляревского спиртзавода. В июне 1949 г. председатель Новосибирского областного суда К.В. Сидоров, разбиравший дело Красноярского мясопромптреста, предложил ЦК послать в Красноярск специальную комиссию для проверки деятельности краевых организаций.

²⁷ Так, редакция «Правды» направила в ЦК ВКП(б) письма своих корреспондентов о злоупотреблениях первого секретаря Витебского обкома КП(б) Белоруссии и руководителей Черновицкой обл. Украинской ССР, а корреспондент ТАСС Г.П. Раппопорт сообщил о незаконном приобретении меховой одежды руководителями Алтайского края.

вые отделы ЦК, в частности отдел лёгкой промышленности участвовал в проверках сведений о расхищении спирта. Такое разнообразие позволило разгрузить КПК, не справлявшуюся с огромным количеством поручений²⁸. С другой стороны, это предоставило Маленкову дополнительный рычаг воздействия на процесс рассмотрения компрометирующих материалов, поскольку именно он курировал работу ОППКО.

Докладные записки по итогам проверок поступали в Секретариат. Если факты подтверждались, то он поручал отдельным лицам или подразделениям в определённый срок рассмотреть имевшиеся материалы и доложить предложения. Как правило, этим занималась КПК, но с осени 1948 г. отдельные дела стали поручать Шкирятову и Дедову. В особых случаях (махинации первых секретарей региональных комитетов во время денежной реформы 1947 г., «ульяновское дело», «непорядки» в расходовании партийных средств в ЦК КП(б) Молдавии в 1949 г.) выяснением всех обстоятельств занималась комиссия в составе секретаря ЦК ВКП(б), представителей КПК и ОППКО.

Окончательное решение по делу Секретариат принимал после того, как получал от ответственных за разбор компромата лиц или подразделений итоговую докладную записку с предложениями, обычно оформленными в виде проекта постановления. Обсуждение предложений могло происходить как на заседании Секретариата, так и до него. Например, когда летом 1946 г. стало известно, что председатель Владимирского облисполкома «передал бесплатно» трофейное имущество руководителям обкома, между секретарями ЦК завязалась переписка. В ходе заочного обмена мнениями сошлись на предложении Кузнецова передать имущество обкому и не наказывать председателя²⁹. В проект постановления, подготовленный Управлением делами, внесли соответствующие коррективы и через пять дней утвердили его на заседании Секретариата³⁰.

Секретариат не всегда принимал поступившие предложения и часто налагал более мягкие наказания. Например, в декабре 1946 г. Шкирятов предложил «указать» секретарям Чкаловского обкома за приобретение большого количества одежды, однако Секретариат, сославшись на обещание провинившихся «навести порядок», не наложил даже такого взыскания³¹. Из рассмотренных нами случаев ужесточение наказания имело место только однажды. В феврале 1949 г. Секретариат в связи со «спиртовым делом» снял с должности первого секретаря Ульяновского обкома и по предложению КПК вынес ему выговор, но спустя неделю Политбюро исключило его из партии³².

В большинстве случаев материалы о злоупотреблениях Секретариат ЦК ВКП(б) разбирал за 3–3,5 месяца. Но из-за загруженности подразделений ЦК, широкого круга фигурантов, выявления новых фактов, конъюнктурных соображений и прочих обстоятельств рассмотрение дела могло затянуться на 5–6 месяцев и даже год.

²⁸ Подробнее см.: *Никонорова Т.Н.* Документы Комиссии партийного контроля... С. 78–81.

²⁹ Именно он в мае 1946 г. сообщил в ЦК ВКП(б) об «антисоветских высказываниях» секретаря Владимирского обкома А.К. Жигалова и оказался одним из немногих, кто остался на своём посту после чистки партийно-советского руководства области в начале 1947 г. (РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 616, л. 224).

³⁰ Там же, д. 643, л. 44–49.

³¹ Там же, д. 674, л. 142–143.

³² *Никонорова Т.Н.* Документы Комиссии партийного контроля... С. 192–195.

Документы Секретариата свидетельствуют о разнообразии злоупотреблений регионального руководства. Чаще всего они касались продовольствия. До денежной реформы первые секретари обкомов партии и председатели облисполкомов получали карточки по группе рабочих особого списка и бесплатные продуктовые лимиты на 1800–2000 руб. в месяц, которые отоваривали в закрытых магазинах. Также им полагались бесплатные завтраки, литерные обеды и второе питание³³. Но высокопоставленные клиенты этим не ограничивались и часто «брали такое количество продуктов, которое не вызывалось потребностями их семей». Так, первый секретарь Красноярского крайкома в 1945–1946 гг. получил продуктов сверх лимита на 58 593 руб.³⁴ Впрочем, такие «излишества» редко приводили к серьёзным взысканиям. Для этого требовалось не только набрать продуктов сверх меры, но и продать их по спекулятивной цене³⁵.

Партработники дополнительно получали продукты и питание за счёт партийного бюджета – по статье «Социально-бытовое обслуживание». Так, первым секретарям обкомов по данной статье полагалось 900–1500 руб. на полугодие, но столь скромные суммы не покрывали их потребности. Поэтому в 1945 г. на обслуживание первого секретаря Калужского обкома сверх положенного потратили 11,9 тыс., а на первого секретаря Марийского обкома за полгода израсходовали 30 тыс. руб.³⁶

Превышением продовольственных лимитов и норм по «соцбыту» дело не ограничивалось. Многие руководящие работники бесплатно получали продукты в ведомственных столовых, домах отдыха и подсобных хозяйствах, в столовых и магазинах промышленных предприятий и строительных организаций. Размеры некоторых таких «получек» впечатляют даже сегодня. Первый секретарь Пензенского обкома в первом квартале 1946 г. получил без оплаты 250 кг муки и крупы, 200 кг сахара и кондитерских изделий, 107 кг мяса и рыбы³⁷. Председатель Калининградского облисполкома в 1946–1948 гг. незаконно набрал продуктов примерно на 135 тыс. руб.³⁸ Иногда продукты доставлялись под видом подарков к праздникам. В Челябинске дюжина первомайских посылок для областных руководителей обошлась партийному бюджету в 14,4 тыс. руб., а в Калининграде в каждую праздничную посылку для первого секретаря обкома клали вина и съестного на 1500–2000 руб.³⁹

Вторым по значимости объектом служебных злоупотреблений выступал алкоголь. Региональные руководители эпизодически получали его с местных спиртовых, ликёро-водочных и винных заводов. В частности, до ЦК ВКП(б) дошла информация о том, что председатель Совета министров Мордовской АССР накануне 7 ноября 1947 г. получил «подарок» из шести литров крепких напитков, председателю Красноярского крайисполкома к 1 мая 1948 г. доста-

³³ Подробнее см.: Шалак А.В. О социальном статусе советских руководящих кадров... С. 164–166.

³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 648, л. 168.

³⁵ В 1945–1946 гг. 20 руководителей Литовской ССР получали продукты без ограничений, однако к партийной ответственности из них привлекли только заместителя председателя бюро ЦК ВКП(б) по Литве, жена которого продавала эти продукты на рынке (РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 652, л. 112–115).

³⁶ Там же, д. 641, л. 180–181; д. 665, л. 132–137.

³⁷ Там же, оп. 118, д. 714, л. 1–6.

³⁸ Там же, д. 380, л. 104–109.

³⁹ Там же, оп. 117, д. 924, л. 156–158; оп. 118, д. 329, л. 27.

вили на дом 11 бутылок спиртного, а председатель Витебского облисполкома в 1949 г. получил 50 л спирта и «более пяти» ящиков пива⁴⁰. Но такие факты ЦК занимали мало и взысканием завершались редко. Центр интересовали масштабные злоупотребления, такие как «ульяновское дело», по итогам которого десятки партийных и советских работников лишились не только должностей, но и партбилетов⁴¹. Однако это «спиртовое дело» не было единственным.

Весной 1948 г. Министерство государственного контроля установило, что в 1945–1947 гг. финансово-хозяйственный сектор ЦК КП(б) Узбекистана закупал в совхозах виноград, сдавал его на переработку и в итоге получил 65 131 л вина по 1 руб. за литр (при себестоимости 4–6 руб.). Это вино продавалось работникам ЦК Компартии, причём для секретарей и заведующих отделами литр обходился от 3 до 20, а для заместителей заведующих отделами и инструкторов – в 20–30 руб. (розничная цена составляла 55 руб. за литр). Самым крупным клиентом оказался первый секретарь ЦК, который купил 4720 л вина по цене 3–5 руб. за литр⁴². Подобные злоупотребления в 1949 г. выявили в Кабардинском, Воронежском и Северо-Осетинском обкомах, причём везде они происходили по одному сценарию. Финансово-хозяйственный сектор обкома с ведома первого секретаря приобретал спирт на спиртзаводе, в магазинах или спецполиклинике и по праздникам распространял среди обкомовских работников согласно ранжиру и по сильно заниженной цене. В Кабардинском обкоме такое практиковали в 1945–1946 гг., а в Воронежском и Северо-Осетинском – со времён войны, при этом партийные работники искренне полагали, что спирт являлся частью их снабжения. В итоге упомянутые обкомы «разбазарили» тысячи литров спирта, причём рекордсменами оказались их первые секретари, получившие от 20 до 150 л каждый⁴³.

Большое количество продуктов и алкоголя региональные управленцы потребляли на вечерах и банкетах, устраивавшихся за государственный или, реже, партийный счёт⁴⁴. Застолья происходили во время публичных мероприятий и торжественных приёмов, в дни официальных и частных праздников и, конечно, по выходным. Во что они обходились, видно по тому, что в январе 1948 г. на сессии Калининградского областного Совета организовали буфет с бесплатным ужином и выпивкой на 20 тыс. руб., а на вечер для руководителей Тюменской обл. в честь 7 ноября 1948 г. потратили 11 174 руб.⁴⁵ Обычно пиршества местных начальников были скромнее, но поскольку проходили регулярно, в ряде регионов на них ежегодно тратили десятки и даже сотни тысяч казённых рублей⁴⁶.

Ещё одно распространённое злоупотребление – «излишества» в приобретении промышленных товаров. С июля 1943 г. по декабрь 1947 г. для первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов действовал лимит на

⁴⁰ Там же, оп. 118, д. 475, л. 170; д. 713, л. 213; д. 847, л. 26.

⁴¹ Подробнее см.: *Никонорова Т.Н.* Документы Комиссии партийного контроля... С. 185–200.

⁴² РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 147, л. 102–109.

⁴³ Там же, д. 579, л. 120–127; д. 580, л. 99–116; оп. 119, д. 161, л. 1–9.

⁴⁴ Это было связано с тем, что ревизии финансовой дисциплины в облисполкомах, крайисполкомах и Советах министров республик проводились гораздо реже, чем в региональных партийных комитетах.

⁴⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 329, л. 26–28; д. 674, л. 110–113.

⁴⁶ Там же, оп. 117, д. 617, л. 21–24; оп. 118, д. 636, л. 98–102.

снабжение промтоварами без карточек — 1 тыс. руб. в полугодие⁴⁷, но соблюдали его редко. Пользуясь своим положением, высокие чины нередко получали огромное количество вещей. Так, первый секретарь Чкаловского обкома за 1945 г. и 9 месяцев 1946 г. сшил себе 241 вещь за 50,5 тыс. руб., а председатель облисполкома — 173 вещи за 35,6 тыс.⁴⁸ Подобные нарушения происходили и на Алтае, но на «законном» основании — краевые руководители официально распорядились выдавать им промтовары неограниченно. В результате за год и девять месяцев только председатель крайисполкома заказал одежды и обуви на 37 326 руб. и купил десяток меховых вещей. Но вместо привлечения алтайских начальников к партийной ответственности ЦК ВКП(б) лишь ограничил их аппетиты, введя для них персональные промтоварные книжки на 3 тыс. руб. в квартал⁴⁹.

Наряду с продуктами и спиртом региональных руководителей очень занимал «квартирный вопрос». Соответственно своему статусу они получали просторное и благоустроенное служебное жильё. Так, первый секретарь Северо-Осетинского обкома с семьёй из семи человек проживал в квартире площадью 184 м², а первый секретарь Черновицкого обкома КП(б) Украины вместе с женой занимал 12 комнат. Тем не менее некоторые начальники старались получить жильё получше. До чего доходило это стремление, видно по действиям председателя Орловского облисполкома. В декабре 1943 г. при вступлении в должность он получил четырёхкомнатную квартиру, в сентябре 1944 г. переехал в отдельный дом, а в мае 1946 г. поселился в квартире на 184 м², хотя его семья состояла из трёх человек. В начале 1949 г. он распорядился возвести для себя особняк в центре города, строительство которого велось ускоренными темпами, а изначальная смета в 70 тыс. руб. быстро возросла до 200 тыс.⁵⁰ Все эти переезды и стройки вызывали недовольство горожан, многие из которых проживали в крайне стеснённых условиях. Справедливое возмущение вызвали и запросы первого секретаря Великолукского обкома. В 1949 г. для него построили дом на десять комнат площадью в 222 м², который обошёлся областному бюджету в 560 тыс. руб. Во избежание скандала в новом доме разместили детский санаторий, а первому секретарю стали возводить жильё скромнее — двухэтажный особняк на девять комнат, площадью 180 м² и стоимостью 492 тыс.⁵¹

Региональные чиновники проявляли тягу не только к служебным квартирам, но и к дачам. Новые дачи возводили редко, предпочитая за счёт партийного или государственного бюджета ремонтировать и обставлять мебелью имевшиеся. Но при желании можно было получить и новое, более просторное и удобное здание. Например, первый секретарь Челябинского обкома бесплатно пользовался дачей на 200 м², которую ему предоставил директор Кировского завода⁵². В свою очередь председатель Саратовского облисполкома в июне 1948 г. самовольно занял приглянувшиеся ему загородные дома, предназначенные для летнего отдыха детей инвалидов войны. Жалобы родителей в областную газету и обком партии результата не дали, и только учительница детей,

⁴⁷ Твердюкова Е.Д. «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»... С. 256.

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 674, л. 137–141.

⁴⁹ Там же, д. 692, л. 155–157.

⁵⁰ Там же, оп. 118, д. 608, л. 98–99.

⁵¹ Там же, оп. 119, д. 2, л. 93–95.

⁵² Там же, оп. 118, д. 749, л. 197.

написавшая Жданову, добилась правды. ЦК ВКП(б) счёл поведение председателя «недопустимым», объявил ему выговор и предложил вернуть помещения»⁵³.

В ряде документов Секретариата ЦК говорится о строительстве партийными и советскими работниками личных домов и дач⁵⁴, причём чаще всего это происходило в союзных и автономных республиках. Кроме того, служебное положение региональные руководители использовали для обеспечения жильём своих родственников. Так, первый секретарь Красноярского крайкома в 1946 г. распорядился предоставить сестре жены трёхкомнатную квартиру, его коллега из Калининского обкома в 1948 г. обеспечил брату квартиру в 53 м², а председатель Совета министров Молдавской ССР в 1950 г., стремясь сохранить служебную квартиру в Москве, прописал в ней родственницу⁵⁵.

Если улучшения жилищных условий добивались отдельные региональные руководители, то благоустройством служебных квартир за партийный или государственный счёт занимался каждый второй. Ремонт и оборудование их жилья всегда обходились недёшево, но если затраты становились грандиозными, то привлекали внимание как граждан, так и ЦК. Уровень допустимых расходов определялся субъективно. Ремонт 12-комнатной квартиры первого секретаря Черновицкого обкома стоимостью 20 тыс. руб. в ЦК восприняли спокойно, а 86 тыс. руб., потраченных на ремонт дома председателя облисполкома, квалифицировали как «излишества» и поставили ему на вид⁵⁶. Вместе с тем в Москве не придали значения тому, что на ремонт квартиры первого секретаря ЦК КП(б) Молдавии в 1950 г. потратили 167 тыс. руб., а ремонт квартиры и дачи первого секретаря Куйбышевского обкома в 1949–1950 гг. обошёлся в 400 тыс.⁵⁷ Такой избирательный подход прослеживается и по вопросу убранства служебных квартир. Если первый и второй секретари ЦК КП(б) Белоруссии без последствий истратили на оборудование своих квартир и дач 352,6 тыс. руб. из партийных средств, то бывший первый секретарь Новгородского обкома, проходивший по «ленинградскому делу», за покупку мебели на сумму 131 тыс. руб. получил строгое взыскание⁵⁸.

Проживание в больших квартирах предполагало солидные траты на коммунальное обслуживание, но первые секретари обкомов и председатели облисполкомов не особо заботились об этом. Некоторые из них оплачивали только часть коммунальных услуг или платили по заниженным расценкам. Так, первый секретарь Кемеровского обкома в 1946–1950 гг. заплатил за квартиру площадью в 124,5 м² всего 4400 руб., хотя расходы на её содержание составили 23 тыс.⁵⁹ Но гораздо чаще региональные руководители вообще не платили квартплату и амортизационные отчисления за мебель. Это касалось и служебных дач. Расплачиваться приходилось только в том случае, если информация о задолженности доходила до ЦК ВКП(б). Именно поэтому бывшему первому секретарю Челябинского обкома пришлось внести в партийную кассу 9955, а бывшему первому секретарю ЦК КП(б) Киргизии — 16501 руб.⁶⁰ Кроме того,

⁵³ Там же, д. 95, л. 18–27.

⁵⁴ См., например: Там же, оп. 117, д. 675, л. 98–100; д. 739, л. 143–144; оп. 119, д. 93, л. 201–204.

⁵⁵ Там же, ф. 17, оп. 117, д. 648, л. 169; оп. 118, д. 380, л. 98; оп. 119, д. 486, л. 106.

⁵⁶ Там же, оп. 118, д. 655, л. 111–114.

⁵⁷ Там же, оп. 119, д. 146, л. 161–163; д. 486, л. 105.

⁵⁸ Там же, оп. 117, д. 932, л. 212–216; оп. 118, д. 538, л. 158–162.

⁵⁹ Там же, оп. 118, д. 639, л. 93–114.

⁶⁰ Сушков А. В. Власть и коррупция... С. 100–102; РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 143, л. 68–69.

многие высокопоставленные квартиросъёмщики за счёт своего ведомства или сторонних организаций содержали прислугу. Например, первый секретарь Воронежского обкома семь лет пользовался услугами домработницы, что обошлось облисполкому в 18 тыс. руб. Первого секретаря Куйбышевского обкома продолжительное время обслуживали домработница, садовник, повар и парикмахер, тоже получавшие плату в облисполкоме⁶¹.

Довольно часто до злоупотреблений чиновников доводили автомобили. За первыми лицами региона обычно закрепляли несколько служебных машин, которыми пользовались они сами и члены их семей. Последнее возмущало рядовых граждан, для которых автомобиль ещё долгие годы оставался недостижимой роскошью, но ЦК ВКП(б) такие мелочи не интересовали. Там реагировали только тогда, когда выяснялось, что местные руководители ремонтировали и обслуживали личный транспорт за казённый и партийный счёт. После войны в стране появилось много трофейных автомобилей, и руководящие работники приобретали их самыми разными способами. Но техническое обслуживание частных автомобилей находилось в зачаточном состоянии, а гараж являлся роскошью даже большей, чем отдельная квартира, и приходилось пристраивать машины в гаражи обкомов и облисполкомов. Поэтому неудивительно, что проверки финансово-бюджетной дисциплины в 1945–1946 гг. показали существенный перерасход по статье «транспорт» как минимум в десяти обкомах. В таких случаях ЦК неизменно рекомендовал региональным руководителям сдать личные автомобили⁶².

Среди злоупотреблений, которые на Секретариате разбирались редко, следует назвать незаконную денежную помощь. Несмотря на солидные зарплаты (оклад в 2 тыс. руб. ежемесячно и доплаты в несколько тысяч после отмены карточного снабжения), региональные руководители без колебаний назначали себе доплаты и пособия, не предусмотренные законом или партийным бюджетом. Так, первый секретарь обкома Еврейской АО в 1948 г. получил 9 500, а председатель облисполкома — 4 200 руб.⁶³ Без раздумий руководители получали и премии, предназначенные для передовиков народного хозяйства. Например, первый секретарь Гурьевского обкома за успехи области в развитии животноводства в 1945 г. получил золотые часы и два отреза ткани, а первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана — золотые часы⁶⁴. Подобных случаев было так много, что летом—осенью 1946 г. ЦК организовал специальную кампанию против премирования партработников.

Эпизодически в документах ЦК фигурируют неоправданно высокие гонорары за публикации в местных газетах и написание брошюр⁶⁵, а также незаконное получение документов о высшем образовании. Что касается вузовских дипломов, то в махинациях с ними в течение 1946–1952 гг. уличили трёх региональных управленцев, стремившихся соответствовать требованиям центра касательно уровня общеобразовательной подготовки. Здесь примечательна

⁶¹ Там же, оп. 118, д. 580, л. 53; оп. 119, д. 146, л. 161.

⁶² Там же, оп. 117, д. 620, л. 22–25; д. 654, л. 94; д. 885, л. 38–39.

⁶³ Там же, оп. 118, д. 112, л. 98–99.

⁶⁴ Там же, оп. 117, д. 625, л. 87–91.

⁶⁵ Так, первый секретарь Курского обкома получал за публикацию своих докладов на пленумах по 2–2,5 тыс. руб., первый секретарь Северо-Осетинского обкома за три года получил от местного издательства в качестве гонораров свыше 50 тыс. руб. (Там же, оп. 118, д. 608, л. 163; д. 687, л. 10).

история первого секретаря Марийского обкома, который с помощью директора педагогического института всего за полгода успешно прошёл шестилетний курс заочного обучения. Об этом невероятном достижении в ЦК сообщили возмущённые студенты, но история закончилась тем, что первый секретарь просто вернул диплом министерству⁶⁶. Служебное положение использовали и для получения учёных степеней. В частности, председатель Совета министров Молдавской ССР поручал подчинённым собирать материалы и содержал специального помощника для подготовки докторской диссертации⁶⁷. Случались и вовсе эксклюзивные злоупотребления. Собирая компромат на руководителей Псковской обл., работники КПК выяснили, что в 1947–1949 гг. на покупку золота для протезирования зубов первого секретаря обкома и его родственников израсходовали 6 175 руб. партийных средств⁶⁸.

Особого внимания заслуживают нарушения в ходе денежной реформы, по которым видно, насколько избирательными и вариативными оказывались наказания за одинаковые злоупотребления. Не менее десяти региональных руководителей были прямо или косвенно замешаны в незаконных вкладах в сберкассы, но Секретариат ЦК ВКП(б) в 1948 г. рассмотрел дела только четверых⁶⁹. Самое тяжёлое наказание – снятие с должности и исключение из партии – понёс первый секретарь Калужского обкома, но через полтора года ему вернули партбилет⁷⁰. Председателя Воронежского облисполкома решением обкома тоже исключили из рядов партии, но он апеллировал к ЦК и добился, чтобы это наказание заменили выговором. Первый секретарь Удмуртского обкома после обсуждения его проступка в ЦК ещё восемь месяцев оставался на своём посту и только потом его понизили до начальника цеха. Что касается первого секретаря Молотовского обкома, успешно руководившего крупной индустриальной областью, то компромату на него просто не дали ход⁷¹.

Взыскание за злоупотребления зависело от ряда факторов. Ключевой из них заключался в том, что в отличие от политических ошибок, хозяйственных провалов и неправильного подбора кадров центр не считал использование служебного положения в личных целях серьёзным проступком⁷². Именно поэтому злоупотребления редко становились основной и тем более единственной причиной отставки региональных руководителей или их исключения из партии. Показательно, что информация о злоупотреблениях первого секретаря могла вызвать проверку всего регионального партийного комитета, но при обнаружении более серьёзных недостатков они в итоговых документах не упоминались⁷³.

⁶⁶ Там же, д. 764, л. 39–49.

⁶⁷ Там же, оп. 119, д. 486, л. 90.

⁶⁸ Там же, оп. 118, д. 991, л. 80.

⁶⁹ Дела остальных руководителей, замешанных в нарушении порядка проведения реформы, разбирались в региональных парткомитетах.

⁷⁰ Подробнее см.: *Кометчиков И.В.* Дело первого секретаря Калужского обкома ВКП(б): взгляд на социальный капитал калужского регионального руководства, 1944–1948 гг. // *Новейшая история России*. Т. 11. 2021. № 3. С. 723–737.

⁷¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 76, л. 72–77; оп. 119, д. 670, л. 156.

⁷² См.: *Федоров А.Н.* Слабые секретари: региональные руководители СССР 1946–1948 гг. в оценках ЦК ВКП(б) // *Новейшая история России*. Т. 12. 2022. № 2. С. 422–426.

⁷³ Сообщения о злоупотреблениях руководства послужили поводом для проверки в 1950 г. Орловского и Северо-Осетинского обкомов партии, но в соответствующих постановлениях Оргбюро ЦК ВКП(б) о них нет ни слова (РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 580, л. 99–116; д. 749, л. 98–100).

Злоупотребления региональных руководителей привлекали внимание центра, как правило, из конъюнктурных соображений, когда требовалось сфабриковать или усилить обвинение и обосновать строгое наказание. Так, исключение из партии бывшего первого секретаря Псковского обкома, связанное с «ленинградским делом», объяснили стандартными для партийных руководителей прегрешениями (выдвигал не внушающих доверия лиц, не реагировал на жалобы, защищал скомпрометированных работников), а также злоупотреблениями (устраивал банкеты, незаконно выдавал премии, расходовал средства партбюджета)⁷⁴. Бывшего председателя Новгородского облисполкома также исключили из партии за «недостойное поведение»: устройство вечеров и организацию буфета, в котором бесплатно выдавали продукты, получение мебели из мастерских лагеря для военнопленных и проч.⁷⁵ В то же время руководители других регионов, не затронутых «ленинградским делом», за аналогичные и более существенные проступки не получили даже выговора.

То, насколько отношение центра к злоупотреблениям зависело от политической конъюнктуры, хорошо видно и по Еврейской АО. В июне 1948 г. Кузнецову доложили, что её руководители не платят квартплату и получают денежную помощь из средств, вырученных от продажи подарков Амбиджана⁷⁶. Секретариат ЦК обсудил эти прегрешения и, в соответствии с устоявшейся практикой, обязал провинившихся погасить задолженность и вернуть полученные деньги. Но летом 1949 г., при «раскручивании» «дела ЕАО», об этих нарушениях вспомнили и дали им уже политическую оценку: «Эти незаконные действия, по существу, развращали наши кадры и вызывали серьёзные недовольства у тех второстепенных работников, которым эта помощь не оказывалась»⁷⁷. Показателен также случай, произошедший с первым секретарём Великолукского обкома. В феврале 1950 г. в ЦК ВКП(б) поступила анонимка, в которой говорилось, что он построил себе шикарный особняк. Началась обычная в таких случаях неспешная проверка. Но через полтора месяца выяснилось, что в 1948 г. с его ведома в Ленинграде набрали 16 человек для работы в Великолукской обл. Это предредило судьбу аппаратчика: в июне 1950 г. его освободили от должности, а в августе наложили строгий выговор с предупреждением и занесением в учётную карточку⁷⁸.

В ряде случаев политический расклад помогал избежать серьёзного наказания. Прекрасная иллюстрация — упоминавшееся выше незаконное изготовление и распространение вина среди руководителей Узбекской ССР. Соответствующие сведения Министерство государственного контроля СССР предоставило в мае 1948 г., а к августу закончило проверку и подготовило необходимые документы. Но в это время завершилось «азербайджанское дело», по итогам которого полномочия министерства значительно урезали, а представленный им компромат направили на рассмотрение первому секретарю ЦК КП(б) Узбекистана. В итоге из первых лиц республики никто наказания не понёс⁷⁹.

⁷⁴ Там же, оп. 118, д. 991, л. 72–75.

⁷⁵ Там же, д. 608, л. 62–67; д. 991, л. 72–73.

⁷⁶ Амбиджан — Американский комитет по поселению иностранных евреев в Биробиджане, действовавший в 1934–1951 гг.

⁷⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 112, л. 97–100; д. 414, л. 43–44.

⁷⁸ Там же, д. 730, л. 59–69; д. 935, л. 86–97; оп. 119, д. 2, л. 90–95.

⁷⁹ Там же, д. 76, л. 2–51; д. 147, л. 102–112.

Если злоупотребления служебным положением не отягощались другими «недостатками» или политикой, то их оценивали по совокупности обстоятельств. В первую очередь учитывалась «серьёзность» проступка, которая определялась довольно субъективно. Бесплатный провоз багажа, получение нескольких путёвок в Артек и выделение квартиры родственнику существенными нарушениями не считались. Задолженность по квартплате, превышение продуктовых лимитов и покупка вещей по заниженной цене тоже не предполагали строгого взыскания, поскольку виновные могли легко возместить ущерб. Но выявить полную и чёткую иерархию злоупотреблений не представляется возможным: каких-либо указаний на этот счёт обнаружить не удалось, а наказание за одинаковые проступки варьировалось от устного предупреждения до исключения из партии.

По документам прослеживаются только факторы, отягчавшие и смягчавшие взыскание. Среди первых самым значимым считалась публичная огласка злоупотребления, наносившая урон имиджу руководителя и, опосредованно, всей «вертикали власти». Об этом, в частности, свидетельствуют замечания Шкирятова: «В этих его поступках нет, конечно, ничего преступного, но они подрывают авторитет»⁸⁰. Негативно на исходе дела сказывалось нарушение неписаных правил рассмотрения компроматов, в первую очередь непризнание фигурантом своей вины. Таких случаев было немного, но все они заканчивались строгими взысканиями⁸¹.

Перечень смягчающих обстоятельств более обширен. Прежде всего это сама занимаемая должность. Если бывшему первому секретарю Воронежского обкома за покупку 150 л спирта по заниженной цене поставили на вид, то секретарю обкома за 50 л объявили выговор, управляющему Воронежским спиротрестом за оформление нарядов на спирт — строгий выговор, а тех, кто занимал менее значимые посты, привлекли к уголовной ответственности⁸². Весомой причиной для смягчения наказания считались также хозяйственные достижения. Если регион регулярно выполнял планы хлебозаготовок и выпуска промышленной продукции, то на злоупотребления его руководителей в центре смотрели сквозь пальцы. Так, первый секретарь Красноярского крайкома, израсходовавший в 1945–1949 гг. на личные нужды более 200 тыс. руб., получил от ЦК ВКП(б) только предупреждение. Причина заключалась в экономических успехах, которых край добился в те годы⁸³. Из этих же соображений ЦК не привлёк к ответственности руководителей Молдавской ССР, о злоупотреблениях которых стало известно из ряда заявлений. Только на сей раз причину снисходительного отношения озвучили прямо: «Следует отметить, что за последнее время Молдавская парторганизация значительно улучшила партийно-организационную и партийно-политическую работу и добилась в 1951 году выполнения государственных планов по промышленности и сельскому хозяйству»⁸⁴. Также при

⁸⁰ Там же, д. 380, л. 98.

⁸¹ Например, бывший первый секретарь Кзыл-Ординского обкома КП(б) Казахстана в 1946 г. отрицал обвинения в бесплатном получении продуктов и давал «неправдивые объяснения», в результате чего вместо обычного в таких случаях выговора лишился партийного билета.

⁸² РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 161, л. 1–2.

⁸³ См.: Федоров А. Н. Факторы карьерного роста региональных руководителей в 1945–1953 гг. (на примере политической биографии А. Б. Аристова) // Вестник Томского государственного университета. История: научный журнал. 2020. № 66. С. 66–68.

⁸⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 486, л. 107–108.

наложении взысканий обращали внимание на прежние заслуги работника, давность проступка и то, совершён ли он впервые. Особое значение придавали признанию провинившимся чиновником своих «ошибок»⁸⁵.

Анализ документов ЦК ВКП(б) показывает, что за использование служебного положения региональные руководители отнюдь не всегда получали взыскание. Более 40% дел о злоупотреблениях Секретариат ЦК завершил указанием «вопрос закончить». В этих случаях постановления не принимали, а фиксировали решение соответствующей записью на итоговой докладной записке или отметкой «с контроля снять» в карточке, прилагавшейся к рабочим материалам по вопросу. Ещё треть дел закончилась незначительными партийными взысканиями — указанием, постановкой на вид или выговором. Серьёзные взыскания налагались менее чем в 30% случаев, в основном — строгие выговоры, которые, как правило, не сказывались на карьере. Лишь изредка следовало понижение по службе. Так, председателей Орловского облисполкома и Совета министров Мордовской АССР спустя несколько месяцев после строгого выговора перевели в другие облисполкомы на должности заведующих отделами, а первого секретаря Тюменского обкома направили в Высшую партийную школу, а после её окончания назначили начальником политотдела Сталинградской железной дороги. Из партии исключили только 10 из 117 региональных чиновников, включённых в выборку. Половина из них — бывшие партийно-советские руководители Крымской, Псковской, Новгородской и Ярославской областей, затронутых кадровыми чистками в связи с «ленинградским делом». К уголовной же ответственности (разумеется, после снятия с должности и исключения из партии) привлекли только первого секретаря Ульяновского обкома и председателя Новгородского облисполкома.

Снисходительное или, говоря языком партийных документов эпохи «позднего сталинизма», либеральное отношение ЦК ВКП(б) к злоупотреблениям региональных руководителей просматривается и в других моментах. Во-первых, решения региональных комитетов об исключении из партии за злоупотребления центр обычно заменял строгим или даже простым выговором, отмечая, что освобождение от работы провинившегося начальника — достаточное наказание для него. Благодаря этому человек оставался в номенклатурной обойме, хотя и на менее высоких должностях. Во-вторых, ЦК широко практиковал снятие партийных взысканий. Если речь шла о постановке на вид, выговоре или строгом выговоре, то их обычно аннулировали через 1–2 года. Восстановиться в партии можно было через несколько лет (такая возможность до лета 1953 г. оставалась закрытой только для тех, кто лишился партбилета в связи с «ленинградским делом»).

Специальных мер против коррупции региональных руководителей в 1946–1952 г. центр почти не предпринимал. Стремление снизить уровень злоупотреблений можно усмотреть лишь в нескольких мероприятиях. Самым существенным из них стала кампания 1946 г. против «сращивания» — попадания партийных работников в зависимость от хозяйственных руководителей путём получения пайков, продуктов, премий и проч.⁸⁶ Впрочем, эта кампания каса-

⁸⁵ См., например: Там же, оп. 117, д. 675, л. 33; оп. 118, д. 74, л. 100–101 об.; д. 579, л. 121.

⁸⁶ Подробнее см.: *Болдовский К.А., Пивоваров Н.Ю.* Номенклатурная политика ЦК ВКП(б) в 1939–1948 гг. // *Пamięć i sprawiedliwość*. 2018. № 2. С. 116–117; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост. В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.Н. Малашенко и др. М., 2004. С. 156–161.

лась только одного вида нарушений и не решила проблемы в целом: в завуалированной форме премирование партработников происходило и в дальнейшем. Ещё одна антикоррупционная кампания (против взяточничества) развернулась в 1946–1947 гг., но затронула в основном работников правоохранительных органов и хозяйственных организаций⁸⁷. Попытка воздействовать на региональных чиновников просматривается также в рассылке отдельных решений ЦК по фактам злоупотреблений во все региональные комитеты⁸⁸. Однако такие «мягкие» предупреждения эффекта не дали: незаконное получение продуктов и спирта нисколько не уменьшилось.

Требовались более решительные шаги, но они были чреваты большими издержками. Последовательная борьба со злоупотреблениями предполагала широкое и демонстративное применение суровых наказаний (исключения из партии и привлечения к уголовной ответственности), но в условиях массовости злоупотреблений этот курс мог обернуться масштабной кадровой чисткой. Даже если бы обошлось без неё, жёсткие меры всё равно осложнили бы работу региональных руководителей, которые и так испытывали немалое давление сверху и со стороны местного актива, и дестабилизировали и без того несовершенную местную систему управления. Высшее руководство осознавало такие последствия, поэтому не решилось на ужесточение мер, о чём, в частности, свидетельствуют исход «азербайджанского дела» и отказ от «раскручивания» других подобных «дел».

Позиция центра – наказывать избирательно и не слишком строго, – была хорошо известна региональным руководителям. Если информация об их проступках доходила до ЦК ВКП(б), то они довольно умело оправдывались и непременно заявляли, что сделали для себя «соответствующие выводы». Однако, судя по тому, что немалое количество первых секретарей и председателей край- и облисполкомов уличалось в злоупотреблениях по несколько раз, они не собирались отказываться от возможностей, которые предоставляло служебное положение. «Излишества», порой вопиющие на фоне бедности рядовых граждан, они воспринимали как должное вознаграждение за свой труд. Конечно, об этом не писали ни в объяснительных, ни позднее в мемуарах, тем не менее в некоторых документах отношение к полученным благам зафиксировано. Так, в заявлении бывшего директора дома отдыха одного из обкомов приведено следующее откровение первого секретаря: «Я государственный деятель, мне некогда заботится о себе, чтобы в моей квартире было всё». Далее заявитель пояснил, что, начав отоваривать карточки ответственному лицу лучшими продуктами, но в пределах лимитов, быстро понял, что от него требуют большего: «чтобы я обеспечил его по “потребности”»⁸⁹. Данная установка являлась непреложным правилом для финансово-хозяйственных секторов региональных парторганов. Они обычно удовлетворяли все запросы своего руководства, зачастую не посвящая его в подробности того, откуда и за чей счёт берутся качественные продукты и роскошные вещи. В связи с этим вполне искренними кажутся заверения некоторых секретарей, что они не знали о тво-

⁸⁷ Подробнее см.: *Хайнцен Дж.* Искусство взятки... С. 132–137, 143–163.

⁸⁸ Во все региональные партийные комитеты были разосланы тексты постановления Секретариата о незаконных расходах и излишествах руководителей Красноярского края (январь 1947 г.) и постановления Политбюро по «ульяновскому делу» (февраль 1949 г.) (ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 198–199; РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 692, л. 74).

⁸⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 553, л. 48.

рившихся махинациях «из-за излишней доверчивости финчасти [комитета] партии и беспечности»⁹⁰.

Подводя итоги, можно констатировать, что в СССР периода «позднего сталинизма» большая часть региональных руководителей пользовалась своим служебным положением для получения материальной выгоды. Эти действия носили системный характер, поскольку происходили неоднократно и регулярно, при содействии широкого круга партийных и советских работников. В основном злоупотребления состояли в получении большого количества продуктов и алкоголя, одежды и обуви, устройства обильных застолий, бесплатного пользования служебными квартирами и дачами, автомобилями и прислужкой, приобретения мебели и предметов обстановки. Это стало для многих региональных руководителей привычкой, от которой они не отказывались даже под угрозой строгого партийного взыскания. Данные блага и услуги являлись острым дефицитом, и их потребление в первые послевоенные годы, хотя ещё не стало в полной мере демонстративным, вызывало возмущение у рядовых граждан и нижестоящих номенклатурных работников. Это возмущение проявлялось в заявлениях, ставших для ЦК ВКП(б) основным источником информации о проступках региональных руководителей.

Центр, тем не менее, в целом снисходительно относился к злоупотреблениям. Дела об использовании служебного положения региональными чиновниками не выделяли из общего потока и рассматривали в обычном порядке, с соблюдением всех установленных процедур. Чёткие критерии оценки злоупотреблений отсутствовали. Отношение к ним в значительной мере определялось политической конъюнктурой, зависело от должности и достижений провинившегося руководителя, соблюдения им негласных правил. В отличие от «политических ошибок», хозяйственных провалов и неправильного стиля руководства злоупотребления считались малозначимым недостатком и поэтому крайне редко становились причиной кадровых перестановок, обычно фигурируя в качестве отягчающего обстоятельства. Из этих же соображений в большинстве случаев не налагались партийные взыскания, либо они отличались мягкостью и не сказывались на карьере чиновников. Строгие наказания — исключение из партии и привлечение к уголовной ответственности — следовали редко, как правило, в рамках очередной идеологической кампании.

Руководство страны относилось к коррупции «регионалов» достаточно прагматично, понимая, что массовое применение жёстких мер против них негативно скажется на работе и без того несовершенной системы управления. Оно пошло по пути купирования отдельных злоупотреблений, что позволяло несколько сдерживать коррупцию региональных руководителей, но не искоренить её.

⁹⁰ Там же, оп. 117, д. 648, л. 178.